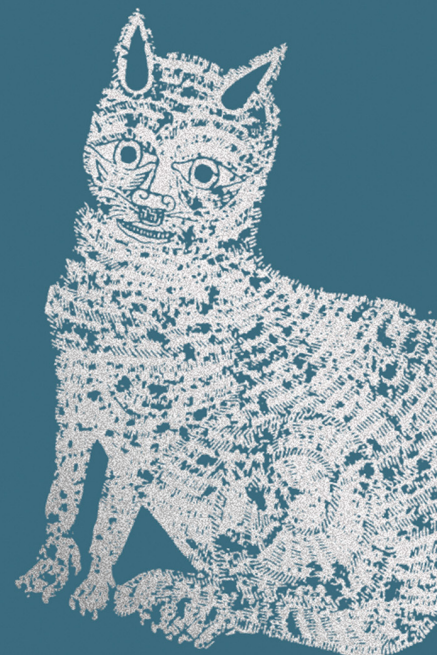

МИФЫ ПЕТЕРБУРГА
ОТ СФИНКСОВ И ПРОКЛЯТИЯ
ОБВОДНОГО КАНАЛА
ДО ПОТОПОВ И КРОВАВОЙ
БОГИНИ СЕХМЕТ

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

МИ∞

МИФ Культура

Владимир Иванов

**Мифы Петербурга. От сфинксов
и проклятия Обводного канала до
потопов и кровавой богини Сехмет**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 398.2(470.23-25)

ББК 82.3(2)

Иванов В.

Мифы Петербурга. От сфинксов и проклятия Обводного канала до потопов и кровавой богини Сехмет / В. Иванов — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250226-4

Почему Петербург называют городом, «созданным из ничего», и как эта идея превратилась в городской миф? Правда ли, что на стрелке Васильевского острова скрыта масонская символика Соломонова храма? И почему «египетские» сфинксы на Университетской набережной стали одной из главных загадок и эмблем города? Эта книга – ключ к многослойной мифологии города, от «большого мифа» о Петре Великом – демиурге и городе-парадизе до мрачных легенд о наводнениях и «конце Петербурга», в которых стихия возвращает миру первозданный хаос. Вы узнаете, как Петербург «впитывал» чужие мифологические языки и делал их своими, почему наводнение 7 ноября 1824 года стало центральным сюжетом петербургской эсхатологии и как литература и кино снова и снова оживляют эти сюжеты, превращая город в пространство знаков, намеков и легенд, которые узнаются с первого взгляда.

УДК 398.2(470.23-25)

ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-00-250226-4

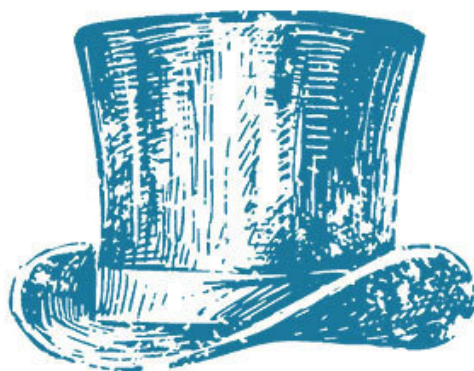
© Иванов В., 2026

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Что такое <i>genius loci</i> и зачем изучать городскую мифологию?	8
Глава 1. О чем молчат руны на Большой Морской? Север в мифологической предыстории Петербурга	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Иванов
Мифы Петербурга. От сфинксов
и проклятия Обводного канала до
потопов и кровавой богини Сехмет

Научный редактор Тимур Щукин

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Иванов В. Г., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Что такое *genius loci* и зачем изучать городскую мифологию?

Книга, которую вы держите в руках, посвящена мифологии Петербурга. О самом Петербурге сказано чрезвычайно много. Как человек, который уже не первый год водит экскурсии по городу, добавлю: иногда кажется, что излишне много.

В потоке броской и зачастую поверхностно-сентиментальной информации из виду теряется то существенное, ради чего мы обращаемся к изучению города как такового: город – это живое явление, и у него есть душа. Впервые об этом сказал великий исследователь Петербурга Николай Павлович Анциферов (1889–1958). Его книга «Душа Петербурга» вышла в издательстве «Брокгауз-Ефрон» в 1922 году. Создавалась она в период Гражданской войны. Это время в Петрограде постфактум назовут малой блокадой, сравнивая его с большой блокадой Ленинграда 1941–1944 годов. Из-за коллапса железных дорог и наступательных действий Белой армии и интервентов в городе с 1918 года свирепствовал голод, были введены хлебные карточки, а к 1920-му его население сократилось до 800 тысяч человек (примерно столько же было и в 1945 году). От последствий голода и цинги в 1921-м умирает Александр Блок – поэт, особо ценимый Анциферовым. О том, как выглядел Петроград того времени, красноречиво свидетельствует цикл гравюр Павла Шиллинговского «Руины и возрождение» (Шиллинговский погибнет от голода в 1942 году и будет похоронен в братской могиле на острове Голодай вместе с Билибиным и другими профессорами Академии художеств).

Дворцовая набережная. Современная фотография.
Лицензионный фотобанк СПб ГБУ «ГТИБ»

Именно в это время и в этих условиях Анциферов заявляет, что город – это не «музей достопримечательностей», а живой «культурно-исторический организм». Он призывает изучать город не ради праздного любопытства, но с тем, чтобы «раскрыть душу города... осво-

бодить ее из материальной оболочки... в недрах которой она сокрыта, провести таким образом процесс спиритуализации города». Далее Анциферов говорит, что с городом можно войти в особую мистическую связь, «в любовное общение», увидеть, что «все это единство звуков, красок, форм, игры света и тени, наконец, чувства пространства составляет целлу храма, где обитает сам *genius loci*». Говоря иными словами, Анциферов утверждает, что общение с городом есть духовная работа, для совершения которой необходимо обратить внимание на архитектурный, природный и исторический ландшафт, но еще больше – на образы в высокой поэзии, потому что великим поэтам открыта возможность напрямую общаться с *genius loci*.

Предложенная Анциферовым метафора общения с городом как с другом или даже любовником не так проста, как кажется. Общение предполагает обоюдное действие: впуская город внутрь себя, мы меняемся. Петербург, как и любое другое плотное культурно-историческое пространство, может глубоко трансформировать человека – вернее сказать, явить ему нечто такое, что при определенных условиях глубоко его трансформирует. Это то, что мы интуитивно чувствуем, стоя у могил близких нам людей, или оказываясь в местах, знакомых нам с раннего детства, или попадая в город с древней и сложно устроенной историей. То, что в такие моменты происходит с человеком, очень точно описал Александр Блок в финале «Возмездия», когда случается перерождение героя. Эта поэма была окончена Блоком незадолго до его трагической смерти в Петрограде, в доме на Офицерской улице.

*Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой
И тяжелит ресницы иней,
Тогда – остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушенным садом,
И небо – книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Все вспыхнет в сердце благодарном,
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь – безмерно боле,
Чем *quantum satis* Бранда воли,
А мир – прекрасен, как всегда¹.*

¹ Блок А. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1955. С. 571.

Как и поэзия, мифология обладает глубинным знанием о *genius loci*. Здесь нужно сказать несколько слов о мифологии в целом. Она сродни поэзии: обращена к эмоционально-образной сфере человека и синтезирует коллективную историческую память в переживание конкретного индивида. Но в отличие от высокой поэзии мифология деперсонифицирована: она создана и принадлежит коллективному сознанию ее носителей, то есть всем сразу и каждому в отдельности. В традиционных обществах миф играл регулирующую роль: с его помощью поддерживался социальный порядок и передавалась культурная традиция. Миф определял и модели поведения, и границу между своими и чужими. Становление научной картины мира должно было разрушить миф, но этого не произошло: научное знание по определению фрагментарно, а миф стремится к целостности. Если наука говорит на языке категорий, то миф пользуется метафорами. Миф адресуется к глубинным пластам человеческой психики и задействует архетипические образы, и в этом его огромная сила и притягательность. В XX веке миф обрел новые формы. Расцвели конспирология, альтернативная история, «мистическое телевидение», мифы субкультур и т. п. Оказалось, что массовая культура, СМИ и публичная политика насквозь мифологичны и задействуют миф в собственных целях. Таков, например, известный миф о банкете с битьем исторического сервиза из Эрмитажа, который первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Григорий Романов устроил на свадьбе своей дочери: байка была запущена политическими оппонентами Романова, о чем стало известно в 1990-е годы.

Городская мифология существует на стыке больших мифологических систем и малой формы, она включает в себя слухи, исторические анекдоты, литературные цитаты и прямой пересказ литературных произведений, поверья, связанные с определенными локациями, в том числе и индустриальными (так называемый постфольклор), при этом очень часто такие малые формы строятся по принципам больших мифологических систем (такова, например, петербургская «наводненческая» мифология или легенды о «подмене» Петра Великого). Как бы мы ни относились к современному городскому фольклору (например, к рассказам о выкопанном городе), он позволяет человеку выстроить эмоциональные связи с теми пространством и временем, в которых тот живет: в каком-то смысле он помогает человеку преодолеть его экзистенциальное одиночество в большом городе и в ситуации исчезновения подлинно глубоких исторических смыслов. Но настоящий, преображающий миф возникает так, как это описано у Блока, – в пограничном состоянии бытия, в момент духовного перелома, на границе миров: «когда ты загнан и забит...», «когда под гробовой доскою...»

Петербург был основан именно в такой переломный момент русской истории, а его появление стало историческим чудом, совершенным всей Россией. Литературная традиция XVIII века, итог которой подвел Пушкин в оде Петербургу – «Медном всаднике» («Люблю тебя, Петра творенье...»), – свидетельствует именно о таком восприятии города современниками. Об этом говорит и образный строй памятника Петру на площади Декабристов. Духовный кризис и духовные искания петербургского периода русской истории вызвали к жизни грандиозные революционные события 1917 года, повлиявшие на весь ход мировой истории. И это тоже было в каком-то смысле чудом. И наконец, то самое сокровенное, что совершилось в Ленинграде, – это ленинградское чудо 1941–1944 годов. В 1942 году Анна Ахматова напишет:

*И на колени все! – багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми.
Для Бога мертвых нет².*

² Ахматова А. А. In memoriam // Стихи и песни о войне. 1941–1945. М.: Издательство «Э», 2017.

Набережная реки Мойки. Современная фотография.
Лицензионный фотобанк СПб ГБУ «ГТИБ»

События такого исторического масштаба не могли не иметь каких-то глубинных оснований, и мифология Петербурга пытается их найти. Петербург – очень неудобный для жизни город. Очень холодный и очень каменный. До второй половины XIX века зелени в нем не хватало, а городские сады были изолированными островками внутри завоеванного у природы городского пространства (Летний сад, например, находится на острове). Само имя Петр означает «камень». Символ Петербурга, гранитные набережные, – грандиозный проект, начатый Екатериной: они сковывают свободное течение Невы, подчеркивая суровую, неземную красоту Петербурга, в основе которой – дисциплина и самопреодоление.

Но в этих гранитных набережных есть и нечто роковое. Существует предание, что фашисты видели в Ленинграде «каменного истукана, лишённого души». Если верить немецким оккультистам, каждые 700 лет «происходит удар Льда об Огонь». В 1242 году Тевтонский орден шел «свинным клином» против войск Александра Невского, а «спустя 700 лет началась блокада Ленинграда»³. Потомкам тевтонских рыцарей противостояли потомки Александра Невского, и все это происходило в эпоху монголо-татарского нашествия на Русь. С ближайшим родственником Александра Невского – владимирским князем Юрием Всеволодовичем – связано древнее предание о праведном городе, устоявшем под натиском врагов. Если верить либретто оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», князь Юрий построил Китеж как «пристанище благоутишное всем страждущим, алчущим, ищущим». Город покрывает фата Богородицы – светоносная риза, состоящая из воды и света. «Невидимый град открывается тем, кто не требует дерзостно... уже осуществившегося на земле чуда, но сам горит душою, и мыслью, и волей... как церковная свеча»⁴. Мне кажется, что

³ Курехин хотел написать об оккультном Петербурге // Фонтанка, 24.01.2018. URL: <https://calendar.fontanka.ru/articles/5945/?ysclid=mnvd3vpjf8157914226>.

⁴ Бланк К. Священный град, отраженный в воде: Китеж vs. Петербург // Святая вода в иеротопии и иконографии христиан

«багровый свет», озарявший ленинградцев в 1942 году и увиденный Ахматовой, был светом того небесного града.

Книгу «Мифы Петербурга» я посвящаю Эдуарду Чучакину и Зое Софроновой – моим коллегам и близким друзьям, погибшим во время теракта на Крымском мосту 8 октября 2022 года.

В. Иванов

Глава 1. О чем молчат руны на Большой Морской? Север в мифологической предыстории Петербурга

*Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, —
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся – в ослепительном одном виденье.*

Анна Ахматова. В Выборге

Среди городов с населением более миллиона человек Петербург – самый северный. Мифология города не могла не соотноситься с мифологическими системами, уже сложившимися у северных народов: финно-угров и скандинавов. «Допетровский Петербург» не мог не стать своего рода «питающим субстратом» городской мифологии, и мы убедимся, что уже в первые десятилетия его существования мифология местного населения стала переосмысляться и накладываться на новый городской ландшафт. Наиболее яркое визуальное выражение мифологические образы севера нашли в эпоху модерна. Неслучайно модерн в Петербурге называют северным: петербургская его версия куда больше связана с культурным и мифологическим полем Скандинавии – в противовес московскому модерну, который в большей степени ориентировался на наследие Древней Руси. «Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге», – напишет Осип Мандельштам⁵.

Что же за народы населяли территории, на которых возник Петербург? Этническая предыстория города хорошо изучена. Карельский перешеек, дельта и берега Невы, а также побережье Финского залива и Ладожского озера еще со времен Новгородской республики стали северо-западным фронтиром русского государства: в орбите Новгорода оказались жившие здесь народы финно-угорской языковой группы. К северу от современного Петербурга, на Карельском перешейке, жили карелы. К югу от Невы – водь и ижора. Русские летописи называли все финно-угорские народы севера чудью: это слово родственно слову «чужой» (а также «чудак»). В русском фольклоре есть представление о мифической чуди белоглазой, живущей на болотах и в диких лесах.

⁵ Мандельштам О. Э. Четвертая проза. М.: СП Интерпринт, 1991. С. 60.

Выборгский замок. Литография Т. Форстена, 1848 г.
Finnish National Gallery Collection / Ateneum Art Museum

Стратегическими соперниками новгородцев на северо-западе были шведы. К востоку от современного Петербурга, на южном берегу Ладоги, еще за несколько веков до появления Новгорода находилась и древнейшая колония викингов – Альдейгьюборг (Старая Ладога), с которой связан летописный рассказ о призвании на Русь варягов и которая упомянута в скандинавских сагах. На рубеже XIII и XIV веков шведами во главе с маршалом Торгильсом Кнутссоном были заложены Выборгский замок и крепость Ландскрона («венец земли»). Последняя располагалась прямо напротив современного Смольного собора, в устье реки Охты, и просуществовала всего около двух лет, после чего была разрушена новгородцами и карелами. Для шведов эти земли тоже были фронтиром, и их колонизация воспринималась в терминах привнесения христианской веры, о чем говорят, например, такие строки шведской хроники начала XIV века:

*В земли язычников двинулись шведы.
Трудности ждали их, раны и беды.
Дрались язычники что было сил.
Тех, кто в поход шел, конунг просил,
крепость построить чтоб постарались
там, где чужие леса простирались,
там, где кончалась Христова земля⁶.*

В конце XVII – начале XVIII века в результате ослабления Московского царства в ходе Ливонской войны, а затем и Смуты эти земли стали частью Шведского королевства – провинцией Ингерманландией. На месте Ландскроны появился город Ниен с крепостью Ниеншанц («невская крепость»). План Ниеншанца удивительно похож на план Петропавловской крепо-

⁶ Хроника Эрика / пер. А. Ю. Желтухина. М., 1999. С. 49.

сти, с которой и начнется Петербург. В отличие от новгородцев, шведы проводили на покоренных землях достаточно жесткую политику насильственного обращения местного населения в свою веру. Карелы оказались практически вытеснены со своих территорий, куда шведы заселили «лояльных» финнов из соседних областей. Так на землях, где возник Петербург, появляется еще один мощный финно-угорский этнос – финны-ингерманландцы.

Со Старой Ладогой связано предание о гибели Вещего Олега от змеи, которая, по предсказанию волхва, выползла из черепа любимого коня: сохранилась даже Олегова могила – живописный курган на окраине Старой Ладogi. Впрочем, археологические раскопки не обнаружили погребения внутри кургана, да и в новгородской версии легенды конь не упомянут (он появляется в киевской версии в «Повести временных лет»). Хотя культ коня на Ладоге все-таки зафиксирован: на острове Коневец есть Конь-камень.

В пушкинской «Песне о вещем Олеге» волю богов князю Олегу сообщает «вдохновенный кудесник». На Русском Севере кудесниками называли финно-угорских шаманов, которые шаманили с помощью «куда», то есть бубна. У финно-угорских народов не было запрета на совершение ритуальных практик в присутствии русских. То же правило, по-видимому, работало и в обратную сторону.

Следы присутствия финно-угорских народов повсюду сохраняются в топонимике Петербурга, имеющей явный крен в сторону непонятных финских названий. И вокруг финно-угорских географических названий начинают возникать особые «топонимические легенды» – легенды, на свой лад объясняющие названия из далекого прошлого. Так, например, в бестселлере петербургского краеведения XIX века – в книге Михаила Пыляева «Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы» – приводится топонимическая легенда о происхождении названия района Автово на юге Петербурга.

Объезжая наиболее пострадавшие прибрежные места на Петергофской дороге, Александр I посетил одно селение, которое было совершенно уничтожено наводнением. Разоренные крестьяне собрались вокруг императора и горько плакали. Вызвав из среды их старичка, государь велел ему рассказывать, кто и что потерял. Старик начал по-своему: «Все, батюшка царь, все погибло: вот у афтово домишко весь унесло и с рухлядью, и с животом, а у афтово двух коней, четырех коров затопило, у афтово» – и т. д. «Хорошо, – сказал император, – это все у Афтова, а у других что погибло?» Тогда объяснили государю, что старик употреблял «афтово» вместо «этого». Посмеясь своей ошибке, государь приказал выстроить на высокой насыпи нынешнюю красивую деревню и назвать ее Афтово⁷.

На самом деле Александр I тут ни при чем: название Автово происходит от финского слова, означающего «пустошь». Финно-угорские названия сохранили многие исторические районы Петербурга: например, Лахта («бухточка, небольшой залив»), Охта («медведь» или, согласно другой версии, «приток, рукав реки»), Коломяги («горка с оврагом»), Пулковое («брусника»). Один из самых красивых мостов Петербурга – Старо-Калинкин мост в Коломне⁸ с четырьмя живописными башнями, – назван по имени деревни Кальюла. Деревня Купсила дала имя району Купчино, а Лиихала стала деревней Лигово, которая, в свою очередь, передала название Лиговскому проспекту – самой «хулиганской улице» в центре Петербурга. По подсчетам специалистов, в границах Нотебургского и Копорского ленов Ингерманландии, то есть

⁷ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1899. С. 133–134.

⁸ Коломна – дореволюционный район в центре Петербурга. Сейчас – часть Адмиралтейского района. Прим. ред.

на территории современной Санкт-Петербургской агломерации, на конец XVII века насчитывалось 904 населенных пункта (а всего в Ингерманландии – 1991 поселение). Шведы сохраняли принципы административного деления новгородских времен – погосты и уезды⁹.

Старо-Калинкин мост в Санкт-Петербурге. Современная фотография.

© Алексей Фёдоров, *Wikimedia Commons*

Долгое время считалось, что и название Невы имеет финно-угорское происхождение: топоним связывали с финским словом *пева*, обозначающим безлесное болото. Предполагали, что от этого слова происходит и старинное название Ладожского озера, зафиксированное в русских летописях, – Нево. Однако современные исследователи склоняются к тому, что название реки отражает ее геологическую историю: современный вид река Нева приняла не позднее третьего тысячелетия до нашей эры. По геологическим меркам это почти вчера, и в названии реки присутствует древний индоевропейский корень, означающий «новая»¹⁰.

Топонимикой северный след в мифологии Петербурга, однако, не ограничивается. 47-я руна «Калевалы» – эпической поэмы, составленной на основе древних карело-финских мифов, рунических и обрядовых текстов финским ученым Элиасом Лённротом в XIX веке, – описывает путешествие по Неве, то есть по пути «из варяг в греки». Именно здесь главные герои «Калевалы» – старец Вяйнямейнен и кузнец Ильмаринен – встречают загадочную деву Ильматар, прародительницу мира, «мать, древнейшую на свете».

*Вот шумит река пред ними,
Разлилась широким морем.
Начал строить Вяйнямейнен,
Начал ловко ладить лодку,
Мастерить в лесу принялся.
Сам кователь Ильмаринен*

⁹ Семенцов С. В. Мифология градостроительного развития Санкт-Петербурга // Вестник. Зодчий. XXI век. 2018. № 1. С. 56–59.

¹⁰ Кулешов В. С. Нева // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 27–36.

*Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.
Так была готова лодка
Вместе с веслами, с крюками;
Лодку на воду спускают,
Смастерили, опустили,
По Неве-реке поплыли,
По Неве вокруг мысочка.
Ильматар, краса-девица,
Дочка первая творенья,
Появилась им навстречу (45: 127–144)¹¹.*

Ильматар – она же Луоннотар, предвечная дева (аналог скандинавских норн или греческих мойр), – рассказывает героям об исчезновении огня: дева убаюкивает огонь в люльке, но по ее неосмотрительности ребенок падает в озеро, где его съедает сиг, а затем форель и, наконец, щука. Эту щуку – существо низшего, водного мира («по щучьему велению») – герои затем с большим трудом вылавливают. Согласно раннему преданию об основании Петербурга, которое приводит Петр Крекшин, автор еще первой половины XVIII века, местные жители видели чудесный свет. Крекшин приписывает этот свет благословию святого Андрея Первозванного, который когда-то путешествовал по варяжскому пути.

...Издrevле на оных местах многожды видимо было света сияние, и в году начатия войны со Швецией видим же был свет велик; мнили жители, яко горят леса королевские, выкатанные по берегам Невы-реки, которые приуготовлены в отпуск в Стегголт; по шествии, видев свет, удивлялись. В 1701 году, в ночь Рождества Христова, видим же был свет окольным жителям мест оных, и мнили быть пожару. По шествии видели у сосны все сучье наполнено было воцанных свеч горящих¹².

¹¹ Калевала / пер. Л. Бельского. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1956. С. 305.

¹² О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991. С. 261.

Ильматар. Картина Р. Экмана, 1860 г.
Finnish National Gallery Collection / Ateneum Art Museum

В 47-й руне «Калевалы» Вяйнямейнен мастерит лодку. В эпических песнях Карелии фигура старца иногда отождествлялась с Петром Великим, а изготовление лодки – с созданием русского флота. Огонь, потерянный Ильматар и обретенный героями «Калевалы», был высечен верховным богом Укко – богом-громовержцем, аналогом славянского Перуна или скандинавского Тора. Укко катает небесные камни, и раздается гром, и у финнов с культом Укко связано представление о волшебных каменных топорах (аналог молота Тора). Святыщами Укко были рощи: одна из таких, можжевелевая роща Уккола, находилась неподалеку от современных Гостилиц, бывшего имения Кирилла Разумовского, и была уничтожена лютеранскими пасторами в XVIII веке, о чем есть документальные свидетельства. О священной роще ижорцев рассказывает и Михаил Пыляев в «Старом Петербурге»:

Новгородский архиепископ Макарий прилагал большие старания об истреблении язычества; посланный им инок Илья порубил и сжег священные рощи, потопил обожжаемые камни и много «разорил злых обычаев», как говорит летописец. В числе таких языческих святых мест долго считалось место в 10 верстах от Петербурга, по Рижской дороге, где стояла большая липа, ветви которой переплелись со стволами ближайших деревьев, так что составляли природную беседку, в которой нередко и Петр Великий отдыхал. На этом месте собирались ижорки на Иванов день и проводили ночь при большом огне, с плачем, пением и пляской; в конце собрания здесь сжигали белого петуха, делая заклинания¹³.

О приношениях Укко в священных рощах рассказывается в предисловии к Псалтыри XVI века родоначальника финской письменности, просветителя Микаэля Агриколы. В этом тексте приводятся списки карельских и финских богов:

¹³ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1899. С. 8.

*И когда отсеются весной,
распивают кубок Укко.
Туда приносили чашу Укко
и допьяна упивались девицы и бабы.
Тогда учинялось там много постыдного,
так что было и слышно, и видно.
Когда Рауни, жена Укко, фыркала,
сердито рычал с севера Укко¹⁴.*

Култ Укко связан и с почитанием расколотых камней, которые называются «гром-камни». Расколотый на три части валун – Укко-киви – располагается на вершине горы Кирхгоф, одной из трех гор Дудергофской возвышенности под Петербургом. Финское название Дудергофа – Туутари – происходит от слова, обозначающего гору с безлесной вершиной, лысую гору. На таких финны праздновали главный языческий праздник, Юханнус, – день летнего солнцестояния, который трансформировался затем в Иванов день: в дохристианскую эпоху этот праздник был посвящен богу-громовержцу Укко.

Лемминкяйнен у огенного озера. Картина Р. Экмана, 1867 г. Отправляясь в Похьёлу, Лемминкяйнен возносит молитву богу-громовержцу Укко.

Finnish National Gallery Collection / Ateneum Art Museum

Сегодня Туутари – это популярный среди горожан большой горнолыжный курорт, а название праздника Юханнус, как полагают некоторые исследователи, могло запечатлеться в названии Заячьего острова, на котором в 1703 году была заложена Петропавловская крепость,

¹⁴ Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 60.

с чего и начался Петербург. Известно, что названия многих петербургских островов – Каменный, Крестовский, Заячий – это дословный перевод финских топонимов: киви-саари, ристи-саари и янис-саари. А слово «янис» (заяц) созвучно имени Иван, то есть остров не заячий, а Иванов. В шведских источниках остров назывался Веселый или Чертов, что указывает на праздники в честь бога-громовержца. Такие праздники сопровождались зажиганием на берегу множества костров одновременно, иногда даже сжиганием деревянной, конической башни, а самый главный костер назывался укко-кокко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.